

Юве!

ХЕРБИ САЙКС

100 лет итальянской
футбольной династии

«ЮВЕНТУСА»

ИСТОРИЯ ОДНОГО
ИЗ ЛУЧШИХ
ИТАЛЬЯНСКИХ
КЛУБОВ

Спорт изнутри

Херби Сайкс

**Юве! 100 лет итальянской
футбольной династии
«Ювентуса». История одного
из лучших итальянских клубов**

«ЭКСМО»

2023

УДК 796.332(450)
ББК 75.578

Сайкс Х.

Юве! 100 лет итальянской футбольной династии «Ювентуса».
История одного из лучших итальянских клубов / Х. Сайкс —
«Эксмо», 2023 — (Спорт изнутри)

ISBN 978-5-04-181745-9

История туринского суперклуба, с одной стороны, говорит об успешности «старой синьоры». С другой стороны, были и глобальные европейские проигрыши, которые повергали весь мир в шок. Их преследовали настолько крупные неудачи, что все обстоятельства могли в самом начале сломить этот клуб, его славу и доблесть навсегда. Например, высылка во второй дивизион была тем событием, из-за которого клуб не мог стоять на ногах так же устойчиво, как прежде. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.332(450)
ББК 75.578

ISBN 978-5-04-181745-9

© Сайкс Х., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Благодарности	7
В Бальдиссеро-Торинезе с моими друзьями Альберто (11) и Лукой (8)	8
Глава 1. Fratelli d'Italia	12
В Королевском дворце с почтенным Рудольфом Оберманном	12
В средней школе Массимо д'Адзельо с детьми-мажорами	15
На пороге дома Джованни Аньелли вместе с Сандро Дзамбелли	18
На тренировочном поле с четырехлетним Джанни Аньелли	24
В Виареджо с фашистами	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Херби Сайкс
Юве! 100 лет итальянской футбольной
династии «Ювентуса». История
одного из лучших итальянских клубов

*Посвящается Джозеффри Сайксу, мастеру по ремонту велосипедов
25 октября 1942 г. – 10 сентября 2018 г.*

Herbie Sykes

Juve!: 100 Years of an Italian Football Dynasty

Copyright © Herbie Sykes

This edition is published by arrangement with
David Luxton Associates Ltd. and The Van Lear
Agency LLC

© Качалов А.А., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Благодарности

Я благодарен Тиму Бротону за то, что он поверил в эту книгу, и Джо Пикерингу за то, что он так бережно относился к ней и помог довести ее до конца. Также благодарю Хью Дэвиса за его учтивость и терпение и Дэвида Лакстона, моего агента, за его неподдельные старания ради моего блага.

Спасибо, как и всегда, семьям Сайкс и Перачино, а также всем, кто любезно поделился со мной своим временем, мудростью и байками. Громадная благодарность доброму народу Турина; прошлого и настоящего, «ювентини» и нет. Вполне может быть, что в этом мире есть гораздо более прекрасные и завораживающие города для жизни, чем этот, но лично я не смогу назвать ни одного, хоть убей.

В Бальдиссеро-Торинезе с моими друзьями Альберто (11) и Лукой (8)

Мы болтаем о футболе с Альберто и Лукой в их доме на холмах, возвышающихся над Туринном. Они братья, и они оба забавные, хотя и непохожи друг на друга, как день и ночь.

Их мать – Клаудия, и в местном диалекте есть особое слово для таких людей, как она. Это слово «*bogianen*» и его буквальное значение близко к значению слова «непоколебимый». Оно подчеркивает стоицизм, непроницаемость, старомодную бескомпромиссность горцев, и оно здесь очень к месту. Клаудия не слишком склонна к путешествиям (как в буквальном смысле, так и фигуральном), потому что понимает, что в конечном итоге все равно окажется здесь. Это ее место, здесь она сформировалась как личность, и оно определяет то, кто она есть – нравится ей это или нет. Ей свойственен фатализм, но что тут поделать? Она ведь из Пьемонта – буквально с «подножия горы» – а горы куда больше ее. Она заложница природных сил – климата, геологии, истории, – над которыми она не властна. Говорят, что пьемонтцы предрасположены к *vittimismo*¹, а Клаудия – настоящая пьемонтка до мозга костей. Она находится в стесненном положении, прижатая к склону холма, и она знает, что ей нельзя переставать долбить этот холм изо всех сил. Ей невозможно не симпатизировать, так же как невозможно не симпатизировать ее маленькому сыну Луке.

В отличие от своих детей Клаудия несколько отстранена от повседневной психологической драмы, коей является *calcio*². Однако негласно она является болельщиком клуба «Торино» – так же негласно, как ее муж им не является. Его зовут Гаэтано, и противоположности, как говорят, зачастую притягиваются. Если она причина того, что Лука – это Лука, то он явно главная причина того, что Альби, старший брат Луки – полная его противоположность.

Отец Гаэтано приехал сюда из Апулии во время экономического бума конца 1950-х. Как и бесчисленное множество южных итальянцев, он мечтал о *la dolce vita*³, поэтому и забрался в душный, пропитанный потом и забитый до отказа поезд, решительно следовавший на север. Он сошел с него в Турине – с выпученными от изумления глазами и без единого гроша в кармане, – долго и внимательно разглядывал вокзал Порта Нуова, этот шедевр необарокко, а потом шагнул на свет. Именно там он, увидев эту жемчужину Турина с его длинным портиком, твердо решил, что однажды урвет кусочек этого великолепия и для себя. Очень быстро он нашел работу (или, точнее будет сказать, работа нашла его) и перестал по целым дням гнуть спину на засушливых южных полях, променяв их на засаленное дышло тяжелой промышленности.

Как там раньше говорилось про иммигрантов из Южной Италии? Знать их – значит любить их? Северяне не понимали диалекта Апулии, но он освоил их язык и подкатил к одной девушке. Они пережили пару субальпийских зим, а потом случилось то, что случилось, – в 1975-м на свет появился Гаэтано. Гаэтано появился, и он вместе со своей семьей стал частью истории этого итальянского столетия.

Как лучше всего описать Гаэтано? Мы воздержимся от того, чтобы называть его треплом, потому что он категорически не таков. Дело не только в том, что он, хотя и родился здесь, полностью соответствует стереотипу неприспособившегося южанина. Будет трудно спорить с утверждением, что он мозговитый, хотя при этом он явно не питает слабости к рефлексии. Впрочем, он знает, что знает, и на контрасте со своей бывшей женой совсем не чурается обсуж-

¹ Жертвенность. (Здесь и далее перевод с итальянского. – Прим. ред.)

² Футбол.

³ Сладкая жизнь.

дать свои достижения в жизни. Он не говорит ничего особенно глубокомысленного, но он открытый по характеру и не сдерживает себя, когда темой разговора становится он (кажется, что это всегда неизбежно).

Он большой фанат «Ювентуса», но я полагаю, что вы уже и сами сообразили.

Когда не мешает смог, отсюда можно увидеть весь город целиком. На небольшом расстоянии великая река По, ставшая основанием, на котором римляне возвели Аугустус Тауринорум, делает изгиб на юго-запад, к Альпам. Река некогда служила границей города, но потом, 300 лет назад, *torinesi*⁴ прогнали французов и отметили это строительством нового моста через реку и грандиозной неоклассической церкви на другом берегу. Со временем церковь Великой Божией Матери станет одной из самых знаменитых достопримечательностей Турина, что подтвердит каждый, кто видел «Ограбление по-итальянски».

Фильм, если вы не обратили внимания, служит метафорой английского изоляционизма. Майкл Кейн и его флот «Mini» – это анти-FIAT, анти-Европа, анти-всё-и-вся, кого не отнести к лукавым английским остолопам-традиционалистам, пекущимся о самосохранении. Невзирая на тот факт, что Турин находится в тысяче километров от Сицилии, итальянский враг Кейна – *mafioso*. Однако его роль играет бывший полузащитник «Торино» Раф Валлоне, и это, учитывая, что предваряет ограбление футбольный матч, кажется вполне справедливым.

В сцене с Церковью Божией Матери Кейн и его подельники-луддиты обирают участников блестяще срежиссированной итальянской свадьбы. Они слетают на своих «Mini» вниз по ступенькам церкви, мчат на плотину через По и далее, по знаменитым туринским аркадам. Позже, украв итальянское золото, они бравируют своим комплексом неполноценности в погоне на низких скоростях на крыше громадного завода FIAT Линготто.

Как бы то ни было, Борго По, жилой квартал позади Церкви Божией Матери, стал очень модным местом. Жаждавшие одновременно жить и в городе, и вне его пределов представители туринского среднего класса начали строить здесь свои дома. Чем выше они строились, тем больше денег они платили, а чем больше они платили, тем более невозмутимый – воображаемо или на самом деле – характер приобретали дома. Некоторые из них очень красивы, а большинство изысканны, как и их обитатели.

Центр города, вычурный и линейный, населен старыми пьемонтскими семьями, владеющими старыми пьемонтскими деньгами. Это Савойя в чистом виде, и все же ее знаменитый символ – бывшая синагога. Не просто так Турин зовется Маленьким Парижем, а выдающаяся Моле Антонеллиана, превращенная теперь в чудесный музей кино, выглядит как предтеча Эйфелевой башни именно потому, что ей и является. Она оставалась самым высоким зданием Турина вплоть до 2011 года, когда банку разрешили испортить линию горизонта города небоскребом.

В восьми километрах к северу от Моле находится место под названием Лученто. Оно находится прямо на северо-западной окраине города, и это та самая Италия, о которой вам никогда не расскажут. Даже местные с трудом помнят, как оно называется, поэтому они просто говорят, что это Венария, потому что это самый ближний пригород, о котором они слышали.

Лученто выглядит невзрачно, но это место стало домом для современного итальянского символа поклонения. В 2003-м «Ювентус» приобрел у городского совета стадион «Делле Альпи», белый слон итальянского ЧМ'90 вместимостью 67 тысяч зрителей. Стадион был в кратчайшие сроки разрушен, а на его месте была построена гораздо более маленькая и гораздо более приятная арена. К ней добавили лучший спортивный музей Италии, громадный медицинский центр, торговый центр и международную языковую школу. В совокупности они образуют так называемую J-Village, но проект далек от завершения. Сейчас идет строительство пятизвездочного отеля, а также wellness-центра, а вскоре сюда из центра города переедет и

⁴ Туринцы.

штаб-квартира клуба. Стадион «Allianz» (права на название продают тому, кто предложит больше всех) – центральный элемент композиции. И хотя большинство старых *torinesi*, которых я знаю, и слышать ничего о нем не хотят, к нему ведет удобный съезд с автотрассы, и в этом явно кроется метафора.

Нравится им это или нет, но J-Village работает как часы. Это футбольный клуб полного погружения, изобретенный заново, как магазин «одного окна», и с точки зрения ухищрений спортивного брендинга/маркетинга он попросту уникален. Он спроектирован так, чтобы ощущаться комплексным и всеохватным, – и примитивная провинциальная Италия не знает ему аналогов.

Стадион «Торино», «Стадио Олимпико Гранде Торино», разглядеть отсюда гораздо сложнее. Он ближе к центру города, на углу Виа Филадельфия и Корсо Джованни Аньелли. Это трехлинейный бульвар, названный в честь основателя FIAT. Он ведет на юго-запад к Мирафиори, заводу FIAT, торжественно открытому Муссолини в 1939 году. Прямо через железнодорожные пути раскинулся Линготто, а потому «Торо» так или иначе окружены со всех сторон. Как и большинство в Турине, они подчиняются вертикали власти Аньелли и стадион свой арендуют у городского совета.

Комната маленького Луки слева, а комната Альби, гораздо большая по размерам, справа. У каждого из них есть альбом стикеров от *Panini*⁵ на этот сезон, хотя Альби гораздо дальше продвинулся в части его заполнения. Его мама говорит, что он тот еще пронира и обладает энциклопедическими познаниями о том, кто есть кто. Он может полностью назвать заявку каждой команды Серии А на сезон, а также перечислить составы ведущих английских и испанских команд.

Лука заполняет свой несколько медленнее, потому что получает меньше карманных денег, но также потому, что часто теряет концентрацию. Альби находит это утомительным и время от времени – ведь он старший брат – поколачивает Луку. Но такова жизнь, и Лука с этим мирится. Все его любят, а его приятели всегда приходят поиграть с ним.

В общем, Альби впечатляет меня своим хозяйством *Panini*, и неизбежно мы начинаем говорить о футболе. Альби хороший игрок, потому что он атлетичен, жилист и быстро соображает, а еще потому, что он понимает, что футбол – серьезный бизнес. Лука же совсем этого не осознает, как кажется. Он просто бежит за мячом, как все остальные, а его мама говорит, что ему все равно, побеждает он или проигрывает.

Лука говорит, что поддерживает «Торино», потому что наделен *fiducia*, верой по-нашему. Его мама сказала ему, что в жизни есть вещи гораздо более важные, чем победы, и ему не нравится «Ювентус», потому что они ничего не олицетворяют. Он также говорит, что болельщиков «Торо» становится все меньше, а некоторые из его приятелей переметнулись совсем недавно. Когда я спрашиваю у него почему, он отвечает, что потому что у «Юве» есть Роналду, Буффон и Дибала.

Альби сообщает брату, что тот выглядит нелепо, но Лука парирует: «А что такое «Юве»? Это ведь даже не место, так за кого ты болеешь?»

Альби говорит, что «Юве» – единственный клуб, способный соперничать с «ПСЖ», «Манчестер Сити» и «Барселоной». Он говорит, что «философия» – это победы. Он спрашивает, зачем вообще заниматься спортом, если ты относишься к делу как-то по-другому, и говорит брату, что болеть за «Торо» «бессмысленно». Это клуб-посмешище для настоящих *sfigati*⁶; мусорная команда, с которой никогда ничего не происходит. «Торо» никогда-никогда ничего

⁵ *Panini* – итальянская компания, специализирующаяся на производстве коллекционных наклеек и игровых карточек, комиксов и книг. – Прим. ред.

⁶ Неудачники.

не выигрывают, а их болельщики только и делают, что вспоминают *Grande Torino*. Они были величайшей командой в истории Италии, но это было 70 лет назад.

Ни Луке толком нечем ответить на такое, ни – буду с вами честен – кому-либо еще.

Если ты прав насчет чего-то, итальянцы говорят, что у тебя «есть рассудок», и тут Альби, бесспорно, прав.

Ha ragione, Alberto. Он чертовски прав, Альберто.

Глава 1. Fratelli d'Italia

Турин – прекрасный город. Размахом своей планировки он, по моему, превосходит все, что задумывалось когда-либо прежде.
МАРК ТВЕН

В Королевском дворце с почтенным Рудольфом Оберманном

Писатель восемнадцатого века Джузеппе Баретти так говорил о своих земляках-пьемонтцах: «Одним из качеств, отличающих их от других итальянцев, является отсутствие в них бодрости духа. Путешественники, посещающие Италию, незамедлительно заметят, что ее народ – приятный и добродушный, а также, кажется, от природы предрасположен к шумным утехам. Однако же стоит путешественнику посетить Пьемонт, как он непременно заметит некоторую меланхолию, тревожную серьезность».

И он был прав. Все в Италии знают, что пьемонтцы немного чопорны, но бог знает, что в те времена был ряд смягчающих обстоятельств. Во времена до объединения Италии это были презренные, чахоточные люди. Само по себе это не было проблемой для Савойской династии, правителей Пьемонта и Сардинии, потому что доведение подданных налогами до крайней нищеты было, что называется, политикой компании. Проблема была в том, что ей приходилось вести войны – притом часто и подолгу, – и династия нуждалась в крепких солдатах, к тому же достаточно глупых, чтобы жертвовать собой ради королевства. Однако вследствие болезней, замедленного роста и изнуряющей нищеты почти четверть армейских рекрутов не годилась для службы.

Отчасти причиной была индустриализация. Туринские текстильные фабрики были весьма производительны и приносили колоссальные доходы, а привлечение к труду женщин и детей творило чудеса в плане прибыли. Однако за золоченым барочным фасадом бушевали тиф и сифилис, алкоголизм и общее убожество жизни. Город с населением около 130 тысяч душ был европейской столицей санаториев и сиротских приютов, питейных заведений и борделей. Он был процветающим и прекрасным, но в то же время зловонным.

Король Карло Альберто (правил с 1831 по 1849 г.) питал слабость к молодым интеллектуалам из либералов. В 1833 году он вызвал одного из них, маститого философа из Цюриха, в свой королевский дворец. Рудольф Оберманн был экспертом в новомодной «гимнастике», снискавшей, очевидно, бешеную популярность по ту сторону Альп. Он вознамерился объяснить ее суть Карло Альберто, его болезненной жене Марии Терезе и их свите. Он убедил их в том, что за гимнастикой будущее, но окажись она в плохих руках, и пагубные психологические и душевные последствия не заставят себя ждать. От нее не будет никакой пользы головастым медикам, чувствительным студентикам или – не приведи господь – женщинам, и ни при каких обстоятельствах она не должна приобретать соревновательный характер.

На левом берегу реки располагается Парко Валентино, самое элегантное публичное пространство Европы, где у Карло Альберто как раз находился один из свободных дворцов. Оберманн сказал ему, что превратит его в «гимназиум» и трансформирует королевскую пехоту в сильнейшее, храбрейшее и самое дисциплинированное воинское подразделение Европы. Он будет пестовать силу и гордость в своих полках, но также будет культивировать в них патриотизм и глубокое ощущение здорового благополучия. Сила, гордость и дисциплина – Карло

Альберто понравилась такая риторика. Дворец соответствующим образом переоборудовали, и его пехота, вымуштрованная до предела, добилась поразительного прогресса.

Оберманн задержался на новом месте, и постепенно сам король вместе со своими приятелями начал присоединяться к занятиям. Аристократы Турина с большим удовольствием посещали свои частные уроки, и Оберманн купался в дарах их щедрости. 17 марта 1844 года он и граф Эрнесто Рикарди ди Нетро основали первый в Европе спортивный клуб, *Reale Societa Ginnastica*, вход в который был открыт только его членам. Они дали понять, что гимнастика – важное научное/философское/антропологическое упражнение, поведали владетельным и титулованным, что она принесет им существенную пользу для здоровья, и приглашали их заплатить за годовой абонемент.

Пошли слухи, и клуб обзавелся вторым местом, а с ним расширилось и количество спортивных дисциплин. В их числе были фехтование и стрельба, но также плавание и гребля на реке По, и со временем лишенный соревновательного накала идеал Оберманна канул в Лету. Постепенно (и что очень в духе таких дел) стали выпускаться акции, и самые богатые начали стекаться в ряды их держателей. Учитывая, что вместе с членством полагался статус и влияние в обществе, *Torino bene* – промышленники с новыми деньгами – охотно раскошеливались на него. К 1861 году, в который идея объединения Италии стала реальностью, к клубу присоединялись даже деликатные мертвенно-бледные дамы с впалой грудью. Турин, население которого теперь достигало 218 тысяч человек, стал спортивной столицей Европы.

Объединение Италии – *il risorgimento* — было туринским проектом, как в плане идеологическом, так и в практическом. Савойская династия нехотя дала свое согласие на участие отчасти потому, что при 70 % неграмотного населения и отсутствии общего языка Италия была разрозненной и от природы нестабильной. Превращение Рима в столицу новой страны было неизбежным с самого начала процесса, а это означало, что вотчина Савойской династии вскоре исчезнет. Однако весьма велик был шанс того, что в случае успеха никто не станет рубить им головы и, более того, они, возможно, даже смогут сделаться правителями всего полуострова, а значит, игра все же стоит свеч.

Весной 1864 года, пока обеспеченные туринские *sportive*⁷ прыгали, скакали и приводили себя в форму в Парко Валентино, дальнейшее течение жизни города было необратимо изменено. Флоренцию помазали в качестве временной столицы Италии, и *Torino bene*⁸ начали процесс «оттока» власти, денег, престижа и интеллекта из города. Парламент выехал, а за ним последовали суды, центральный банк и монетный двор. Следом выехали юристы и их клерки, архитекторы и нотариусы, ростовщики, жулики и ими обманутые.

Утром 21 сентября перед королевским дворцом собралась порядочная толпа. К обеду ряды ее разрослись, а заодно открылись пивные заведения. К ужину толпа превратилась в озлобленную, ревущую от ярости людскую массу. Большинство этих людей не интересовал великий замысел единой Италии, но они чувствовали себя обманутыми. Они были голодны, злы, и к следующему полудню 52 человека из них не стало. Турин был охвачен кризисом, и тогда мэр города, Эмануэле Люсерна ди Рора, созвал чрезвычайный совет. Совет ввел стимулирующие субсидии для «стартапов» и объявил налоговые каникулы для предприятий, готовых передислоцироваться в город. Они прорыли новые каналы и добились того, чтобы злорадствующие флорентийцы профинансировали внушительные проекты по расширению железнодорожной сети.

В октябре 1865 года Люсерна ди Рора составил обращение к владельцам иностранных компаний. Он перевел его на пять языков, распечатал миллион копий и разослал их в итальянские консульства за границей, проинструктировав дипломатов платить столько, сколько

⁷ Спортсмены.

⁸ Население Турина, считавшее их город прекрасным местом. – Прим. ред.

требовалось для того, чтобы забить этим обращением страницы местных газет. Промышленники Гамбурга, Лондона и Парижа прочитали, что Турин теперь главный европейский центр бизнеса и что он предлагает всем землю по бросовым ценам. Обращение также появилось в Цюрихе, Базеле и Вене.

Инициатива Люсерна ди Роры была беспрецедентной, и со временем она приведет к потрясающему экономическому росту. Первой приехала семья Реммерт, а затем Аугусто Абегг забрал себе кусок земли в Боргоне, превратив это место сначала в завод, а потом и в деревню. Семьи Гюттерманн и Акерманн приехали в Турин из Вены и Эльзаса соответственно. К 1870 году, когда открылся железнодорожный туннель Фрежус, экономика стала еще более процветающей. Расположенный к северу от Турина город Биелла стал центром торговли шерстью, что позволило семьям Фила, Зенья и Черрути сколотить состояния. Они отпраздновали свой успех, воздвигнув роскошную *arco di trionfo*⁹ на главной площади Кьери, процветающего фабричного города в пятнадцати километрах к югу. На западных окраинах Турина и в долине Суса царили текстильные предприятия. Итальянская рабочая сила обходилась дешево, благодаря чему внушительные объемы хлопка быстро и с низкими затратами перебрасывались через Альпы. Это объясняет, почему в городе встречается так много германских имен, почему их носители владеют самыми элитными домами и почему они все неприлично богаты. Наполеоне Лойманн был самым богатым из всех. В 1876 году он построил хлопкопрядильную фабрику рядом с каналом в Колленьо. Она вошла в список первых «рабочих» деревень Италии, где работников обучали чтению и письму и где Лойманн самолично следил за тем, чтобы и в физическом, и в душевном отношении его люди жили благополучно. Взамен работники сколотили ему состояние.

По дороге, ведущей по долине прочь от Колленьо, находилось местечко Сант-Амброджио. Там обитала семья Бозио, и она тоже торговала хлопком. В 1886 году они отправили 22-летнего Эдуардо в Ноттингем, и там он пинал мешки для волюнок в компании ребят с шелкопрядильных фабрик. Он привез с собой домой кучу таких мешков и отнес их в свой гребной клуб, а также начал демонстрировать их всем в Парко Валентино. Его приятели присоединились к нему, и вскоре их набралось достаточное количество, чтобы они смогли сформировать команду. Они назвались «Туринским футбольным и крикетным клубом», а их первыми соперниками стали игроки «Нобили Торино». Та команда была целиком и полностью составлена из молодых аристократов, поэтому с самого своего зарождения эти игры были межклассовым дерби.

Случались поглощения, слияния, появления новых команд, и будет справедливо сказать, что все это явление приобрело характер некоего движения. Вдали от Турина, в Генуе, жила и работала в доках группа английских моряков, клерков и разного рода прохвостов. Они были весьма мастеровиты в «футболе», поэтому вскоре две группы начали устраивать матчи между собой. Потом к ним присоединились и *milanesi*, и с этого, я полагаю, все и началось...

⁹ Триумфальная арка.

В средней школе Массимо д'Адзельо с детьми-мажорами

Все в Турине знают Массимо д'Адзельо. Эта средняя школа находится в самом сердце барочного города, и дети, которые туда ходят, происходят из «хороших» (то бишь богатых) семей. Она стала синонимом строгих правил и больших достижений в жизни, поэтому, если вы были из числа ее выпускников, у вас были хорошие шансы обеспечить своих близких летним домиком на лигурийском побережье и проводить с ними зимние выходные и праздничные дни за катанием на лыжах в Сестриере. Также весьма велика была вероятность, что работа, которую вам дадут после школы, не будет слишком уж пыльной. Вам, конечно, понадобится хороший гардероб и умение заводить связи, но велик шанс, что таскать тяжести вам не придется.

В 1897 году компания детей-мажоров из Массимо д'Адзельо решила учредить собственную футбольную команду. Они видели, как все эти заграничные типы играют в это на Пьяцца д'Арми, и со стороны игра выглядела веселой забавой. Они встретились в веломастерской, гудели и бормотали, обсуждая название, и в конечном итоге остановились на латинском слове, означающем «молодость». Вначале «Ювентусу» было не с кем играть, но это было не страшно, потому что и сами игроки не знали, как играть. Со временем они обзавелись формой, и вскоре две сотни зрителей стали собираться, чтобы посмотреть на них. Учитывая, что занимались они только одним делом, они изменили свое название с *Juventus Sport Club* на *Juventus Football Club*.

К этому времени Турин стал домом для маленького сообщества из Ноттингема. По всеобщему мнению, один из них, Том Гордон Сэвидж (Джон), был очень хорошим игроком, но его не устраивала клубная униформа. Рубашка носилась с черным галстуком-бабочкой и панталонами, и с этим как раз все было нормально. Проблема была в том, что форма была розовая, в цветах новомодной газеты *Gazzetta dello Sport*. Сэвидж и его приятель Гудли сочли, что форма выглядит несколько аляповато, поэтому в 1902 году сами похлопотали, заказав новую из Блайтли. Существует бесчисленное количество теорий о том, что произошло дальше: некоторые довольно убедительные, но большинство попросту смехотворные. Люди очень сильно распекаются, когда речь заходит о подобных вещах, поэтому лучшим вариантом будет, пожалуй, произвольно выбрать какую-то одну и отнестись к ней с внушительной долей скепсиса.

Легенда гласит, что Сэвидж разместил заказ и включил одну из имевшихся рубашек в качестве примера. Поставщик-производитель заключил, что рубашка некогда была белой – потому что кому в здравом уме придет идея играть в футбол в розовом? – и что при стирке просто произошел несчастный случай. Ну а поскольку заказ был размещен срочный, он решил, что лучшим выходом будет отправить посылку с униформой, наиболее похожей на эту. На складе у него была гора красных рубашек «Ноттингем Форест» и кучка черно-белых футболок «Ноттс Каунти». Он отправил последние, и так на свет родились знаменитые *bianconeri*¹⁰.

В Прима Категория в том году соревновались шесть команд: три из Турина, две из Генуи и одна из Милана. «Ювентус» впервые дошел до финала, но для того чтобы сыграть в нем, им нужно было поехать в Геную. Они приехали туда изможденными, и «Дженоа» проехала по ним катком, выиграв 3:0 и завоевав свое пятое чемпионство за шесть лет.

ФИФА появилась на свет в 1904 году, и в следующем году к ней присоединилась Итальянская федерация. Игра по-прежнему была исключительно любительской, и игроки «Ювентуса» платили взносы за привилегию посоревноваться. К тому времени у клуба были лучшие игроки Турина, а на стадионе «Велодроомо Умберто I» – лучшие условия для игры. Той весной они одолели другие туринские команды, сумев пройти в финал чемпионата. В круговом тур-

¹⁰ *Бьянконери* – знаменитое прозвище «Юве», дословно «бело-черные». – Прим. ред.

нире они сошлись с «Дженоа» и «УС Миланезе», остались непобежденными в четырех матчах и стали чемпионами Италии.

Проблема была в том, что новый президент клуба, швейцарец по имени Альфред Дик, был напыщенным автократом. Это было проблематичным для старых «ювентини», для которых игра была лишь хобби. Она была отдушиной, а потому предполагала дух товарищества и веселье. Им нравилось побеждать и очень нравилось праздновать эти победы. В понимании Дика, впрочем, не спать до глубокой ночи, чтобы *festeggiare*¹¹, было немыслимым. Они были людьми спорта, и его интерпретация этого термина разнилась с их представлениями. Он требовал, чтобы они были серьезны, аскетичны и исполнены чувства долга, и его совершенно не интересовали вечеринки и ребяческие удовольствия. «Ювентус» был орудием, при помощи которого он рассчитывал поднять свой личный престиж и престиж своей обувной империи, и игроки поступят правильно, если будут вести себя соответственно. Дик заполнял свои фабрики – и свою футбольную команду – игроками из Швейцарии и Британии, некоторые из которых были неотесанными типами из рабочего класса. Он высасывал все веселье из игры, а его пролы¹² были неуклюжими и ничтожными.

Кульминация случилась на решающей игре за чемпионство 1906 года в Милане. Проинспектировав игровое покрытие, Дик объявил, что оно непригодно для поставленной цели и, как следствие, «Юве» не будет выходить на игру. Клуб лишился чемпионства, и это обратило большинство членов клуба против него. Дика уволили, а он забрал свои деньги, половину игроков команды и договор аренды «Велодрома», который заключил, и основал новый клуб. Игроки ФК «Торино» будут носить гранатово-красные футболки, и их усилиями Дик будет вершить свое возмездие.

«Юве» вернулся на старое потрепанное поле на Пьяцца д'Арми, свой первый дом. Две команды встретились там 13 января 1907-го, и Ханс Кампфер, один из перебежчиков, забил победный гол за «Торино». Говорят, что Дик гола не видел – он умудрился запереть себя в туалете в перерыве матча, – но присутствовал на ответной игре, случившейся через три недели. На сей раз Кампфер забил четыре, и велико искушение подумать: «Смеется тот, кто...» Это, впрочем, предполагало бы, что Дик знал, как смеяться, а он едва был способен выдавить ухмылку. Новая команда Дика разбила его старую в пух и прах, но он все никак не мог обрести покой. Два года спустя он вышиб себе мозги выстрелом из пистолета – это случилось в недрах «Велодрома», но клуб, который он создал, и метафора, которую его творение олицетворяла, продолжили жить. «Торино» и дальше будет оставаться командой обездоленных и маргинализированных.

Лишившись своих лучших игроков, их соседи на какое-то время перестали представлять собой футбольную силу. Это было досадно, но, по крайней мере, им удалось остаться верными своим идеалам. Членство в клубе было символом статуса, и оно было зарезервировано для городских патрициев, крупных игроков и узкого круга посвященных. Они колебались слишком сильно расширяться, преследуя свои цели, потому что расширяться для того, чтобы одолеть горстку плебеев, было ниже их достоинства. Выглядеть со стороны элегантно, благовоспитанно и породисто было куда важнее, чем выигрывать; футбол был игрой для джентльменов.

Подобному манерничанью не было места в Верчелли, городке примерно в 30 тысяч жителей, расположенном посреди рисовых полей рядом с границей между Пьемонтом и Ломбардией. К тому времени футбольная мания уже перекинулась на классы тружеников, представителей которых в команде «Про Верчелли» было полно. Они были лишены заблуждений по поводу благолепия и мало что любили так же сильно, как обыгрывать в матчах малодушных недоумков из высших слоев Турина. То же самое относилось и к их соотечественникам из

¹¹ Празднество.

¹² Термин из книги Джорджа Оруэлла «1984» для обозначения рабочего класса – пролетариата. – Прим. ред.

соседних Новары, Казале Монферрато и Алессандрии. Область, известная как Пьемонтский Четырехугольник, была эпицентром итальянского футбола до Первой мировой войны. «Про Верчелли» – «белые джемпера» – выиграют четыре национальных чемпионства в промежутки с 1910 по 1913 г.

В том году «Ювентус» едва не прекратил свое существование. Футбол стал настолько популярным, что Прима Категория включала теперь три северных дивизиона (Пьемонт, Лигурия – Ломбардия и Венето – Эмилия-Романья) и три южных. Две первые команды из каждого дивизиона отбирались в мини-лиги с участием шести команд, по одной на севере и на юге. Победители этих лиг проводили *finalissima* – плей-офф из двух матчей, финал всех финалов, который чемпион севера всегда выигрывал со счетом, свойственным для крикета. Затем отбросы обеих лиг вылетали, расчищая путь для новых кандидатов, – таким вот образом старому доброму «Юве» и удалось вернуться. Теперь, правда, они были почти что худшей командой Пьемонта: свое первое туринское дерби они проиграли 0:8, а второе 6:8. Они были разжалованы до аутсайдеров – за весь сезон им удалось выиграть всего одну игру, но зато они получили молодого, блестящего и полного энтузиазма юриста на должность председателя клуба – им стал Пино Хесс. Он воспользовался юридической лазейкой, сумев обеспечить команде место в ломбардском дивизионе, благодаря чему клуб был спасен от исчезновения.

Два года спустя, когда Италия уже стояла на пороге войны, клуб запустил новый радикальный журнал. Целью издания *Hurrà* было держать членов клуба в курсе новостей, происходивших с ним, – причем везде, куда бы ни забросили читателя перипетии военного конфликта. В стране, где 40 % населения оставались неграмотными, это было знаковым событием. Турин вновь стал одним из богатейших городов Италии, а «ювентини» были богатейшими из богатейших. Они были самыми породистыми и самыми начитанными, но в следующем году их футбольная команда вынуждена была уйти на трехлетний перерыв.

На пороге дома Джованни Аньелли вместе с Сандро Дзамбелли

Несмотря на все лишения и смерти, обрушившиеся на простой народ, Джованни Аньелли от войны только выиграл. Его компания разрослась и диверсифицировалась и в процессе своего развития внесла громадный вклад в военную экономику страны. FIAT выпускал вооружение, моторы и самолеты, а его подразделения, занимавшиеся кораблестроительством и доставкой грузов морем, приносили особенно много прибыли. К моменту окончания боевых действий компания стала третьим по величине производителем в Италии, а сам Аньелли стал чрезвычайно влиятельным человеком. В придачу к FIAT он владел RIV, основанной им в 1906 году компанией, выпускавшей шарикоподшипники, а также имел долю в туринской ежедневной газете *La Stampa*. Кроме того, у него были существенные деловые интересы в таких сферах, как текстильная промышленность, производство цемента и стали, авиация и даже розничная торговля. Rinascente был первым универсальным магазином Италии и до сих пор остается самым знаменитым.

Аньелли заработал много денег, снабжая разрушенный континент американской помощью, а во время своей поездки в США он даже посетил завод Ford в Мичигане. Он увидел автоматизированную «производственную линию» и был поражен ее скоростью и эффективностью. FIAT за день работы производил горстку автомобилей, тогда как Ford выпускал несколько сотен. Время производства модели «Т» составляло 90 минут, а качество сборки и точность были при этом ошеломительными. Аньелли твердо решил построить в Турине собственную производственную линию, но для этого ему нужны были новые деньги и новые помещения. Его старая штаб-квартира на Корсо Данте была недостаточно просторной, а тот факт, что заводские мастерские, офисы и фабрики были разбросаны по городу тут и там, делал рабочий процесс неэффективным, дорогостоящим и обременительным. FIAT нуждался в одном большом, полностью автоматизированном и гомогенном заводе, а посему Аньелли решил приобрести ряд незанятых полей на юго-западной оконечности города, в Линготто. Он нанял великого инженера-рационалиста Джакомо Матте-Трукко, чтобы он спроектировал завод, и к 1922 году его строительство было практически завершено.

В шести километрах на северо-запад от Линготто велись работы над другим проектом Джованни Аньелли. Директора «Ювентуса» Сандро Дзамбелли сильно раздражал тот факт, что один из его игроков, Антонио Бруна, регулярно пропускает тренировки. Бруна трудился в FIAT, но его боссы никогда не соглашались отпускать его с работы пораньше, чтобы он мог потренироваться. Это негативно сказывалось на команде, поэтому Дзамбелли сел на велосипед, доехал до дома Аньелли, постучал в дверь и попросил хозяина сделать исключение.

Аньелли был довольно холодным и строгим человеком, но ему пришлось по нраву искренность Дзамбелли. Он согласился отпускать Бруну с работы, когда будет возникать такая необходимость, принял приглашение прийти посмотреть на игру команды и вскоре начал регулярно посещать ее матчи в компании своего 33-летнего сына Эдоардо. И хотя у них было мало общего, со временем их стала объединять общая страсть к игре. Когда президент клуба дал понять, что готов уйти с должности, у Джованни спросили, не хочет ли он сам занять его место. Это, конечно, великая честь, но с таким количеством дел и прочих забот ему будет трудно найти свободное время на клуб.

Эдоардо же, напротив, имел его вдоволь. Ему нравилось путешествовать, вести праздную жизнь и, несмотря на всю красоту его рыжеволосой супруги Виргинии, волокаться за женщинами. Однако своего предназначения он пока так и не раскрыл, а тяжелая промышленность его совершенно не интересовала. Футбол будет хотя бы как-то занимать его время, но что еще лучше, он позволит ему удерживать отца и его прозаический бизнес по зарабатыванию денег на

расстоянии вытянутой руки. Джованни от лица сына принял предложение и раскошелится на строительство будущего футуристического стадиона. 24 июля 1923 года голубоглазого блондина Эдоардо Аньелли представили в должности президента футбольного клуба «Ювентус».

В своей речи на инаугурации Эдоардо сказал своим коллегам по совету директоров, что будет вести деятельное участие в жизни клуба. Его девиз был: «Даже хорошее можно улучшить», и этот девиз находил отражение во всем, что он делал. По большей части он делал то же, чем семья Аньелли занимается вот уже как целый век. Он закидывал «Ювентус» деньгами – большими деньгами.

Новый стадион, «Кампо Ювентус», располагался рядом со штаб-квартирой FIAT на Корсо Марсилья. Его дизайн и строительство были вверены одному из членов совета директоров FIAT, инженеру Пьерино Монатери, и он должен был стать первым в Италии стадионом из железобетона. Стадион включал в себя великолепные офисы в стиле «либерти» и крытые сидячие места – для тех, кто имел необходимые средства, чтобы позволить себе билеты. Там были теннисные корты и гимнастические залы, а прожектора, которые будут впервые задействованы на спортивной арене, добавят позднее. Город проложил новые трамвайные линии, чтобы переправлять «болельщиков» туда-сюда, а по его периметру установил громадные рекламные щиты.

Технически футбол все еще был любительским спортом. Игроки обязаны были доказывать, что они живут и работают в *comune* (муниципальном округе) своих клубов и, по крайней мере формально, не получают зарплату. Однако игра становилась все популярнее, и клубы начали брать плату за просмотр матчей. Где навоз, там и гроши... И наоборот. Несколькоими годами ранее два игрока из «Дженоа» были отстранены за то, что получали плату, – их признали виновными в «профессионализме». Клубы искали любые возможности обойти правила хитростью. Анонимные «доброжелатели» сталкивались с игроками на улице и всучивали им пухлые коричневые конверты. Болельщики организовывали «сбор средств», или звезды вдруг выигрывали призы, которые тут же продавались от их имени. Формально это не имело никакого отношения к их клубам, но более амбициозные владельцы такими правдами и неправдами находили способы заботиться о своих игроках.

Но в представлениях Эдоардо о его любимых *bianconeri* не было ничего непрофессионального. Он сказал Дзамбелли, Монатери и вице-президенту Энрико Кравери, что вместе они сделают «Ювентус» лучшей командой во всей Италии. У Эдоардо было много денег и желание доказать свою состоятельность отцу, а потому его совершенно не интересовали ежегодные финиши на 5–6-х местах. Он начал с назначения нового тренера. До сих пор игроки сами следили за собой, но теперь появился венгр Йено Каролы, который стал руководить тренировками и выбирать состав. Как все наемные работники Аньелли, он получал зарплату и ежегодно уходил в оплачиваемый в размере недельной зарплаты отпуск. Также он получал солидный бонус, когда команда выигрывала. Игроки тоже получали премии, а еще они должны были водить только автомобили компании – нравились они им или нет.

Новая эра началась с предсезонных спаренных матчей против «Про Верчелли», самой успешной команды итальянского футбола. «Про» и «Дженоа» располагали лучшими игроками Италии, тогда как Аньелли унаследовал сборище обалдуев. Подкрепления приходили, но правила резидентства существенно ограничивали возможности клуба. При поверхностном взгляде, матч был безобидным предсезонным товарняком между великим «Верчелли» и не слишком-то выдающимся Туринном; на практике же он обернулся для итальянского футбола таким потрясением, последствия которого ощущаются и по сей день.

«Про» вышел на поле без двух своих лучших игроков. Причина этого интерпретируется по-разному, и это отчасти объясняет то, почему ее интерпретируют, проинтерпретируют и неверно интерпретируют вот уже почти век. Каждый *думает*, что знает, что там произошло, тогда как *на самом деле* не знает никто. Говоря упрощенно, появилось два резко контрасти-

рующих нарратива, объясняющих те события. Футбол, в особенности итальянский, явление бинарное по своей сути, поэтому всегда есть «версия «Ювентуса» и «версия против «Ювентуса». Они существуют в прямо противоположных точках геостационарной орбиты и олицетворяют собой историю организации в микрокосме.

На фоне продолжительных изнурительных споров вокруг денег «Про Верчелли» проинформировал своих игроков о том, что никаких денег нет. Футбол оставался любительским спортом, и клуб будет продолжать жить в соответствии с этим принципом до дальнейших распоряжений. Любой, кого не устраивало такое положение дел, мог свободно покинуть команду, и, судя по всему, двух человек оно действительно *не* устраивало. Форвард Густаво Гай и крайний защитник Вирджинио Розетта сообщили учредителю и сопредседателю клуба Луиджи Бодзино о своем желании уйти. Гай сказал, что сыт по горло провинциальным, задрипанным «Верчелли». Он хотел перейти в «Милан» и попросил, чтобы его регистрацию отменили и включили в обязательный список игроков на трансфер. Из-за этого он как бы оказался в подвешенном состоянии, ведь законы о резидентстве гласили, что он не может играть за «Милан» до тех пор, пока не сможет доказать факт своего проживания в городе. Тут на авансцену и выходит почтенная фигура Улисса Баруффини, директора «АС Милан» и президента Северной лиги.

В распоряжении Баруффини находилось письмо от одного из его приятелей, подтверждавшее тот факт, что Гай уже является резидентом Милана и трудоустроен на фарфоровой фабрике; по всей видимости, игрок попросту позабыл обновить свои документы о резидентстве. Баруффини убедил остальных членов правления Северной лиги, в числе которых был и его приятель Бодзино, что все это абсолютно правдоподобно, благодаря чему трансфер Гая в «Милан» был оформлен. Бодзино, который, как считается, испытывал некоторые финансовые трудности, объявил себя удовлетворенным таким исходом, и новый сезон Густаво Гай начал в качестве игрока «Милана».

Добрый народ Верчелли счел эту историю возмутительной. Каким образом Гай находил время на тренировки и игру, если он одновременно работал и в Милане, и в Верчелли? Более того, если он жил в Милане и действительно работал на фарфоровой фабрике, то тогда он по определению не мог легально играть за «Про». Почему в таком случае никто об этом не сообщил? Почему тогда лига не наложила на него санкции и почему она лишает его игровой лицензии теперь? Дело дурно пахло.

Случай Розетты был таким же, но совершенно отличался. Версия «Ювентуса» гласит, что Пьерино Монатери спросил, почему крайнего защитника нет на товарищеском матче, на что ему ответили, что он запросил трансфер. Монатери впоследствии объяснил Розетте, что для него найдется место в Турине, а вместе с ним идет и компенсационная выплата за «перемещение» в размере 45 тысяч лир. Розетта был бухгалтером по профессии, и судьба распорядилась так, что Сандро Аймоне Марсану, одному из директоров «Юве», как раз очень нужен был бухгалтер. Розетта сказал, что такой вариант ему очень по душе. Очевидно, что его «окучили» так же, как это сделал с Гаем «Милан». Все понимали, какую игру они ведут, но система была предрасположена к лицемерию, и, по крайней мере технически, никакие правила нарушены не были. Следовательно, если Розетта сможет предоставить доказательство своего резидентства, путь в «Юве» ему будет открыт.

Однако «Ювентус» был в совершенно ином положении в сравнении с «Миланом». Монатери и Кравери понимали, что присутствие Аньелли служит четким и очевидным сигналом об угрозе власти той шайки, которая заправляла всем футболом на севере. Они видели в пришествии Эдоардо объявление войны и решили драться до последней капли крови, лишь бы сорвать трансфер Розетты здесь и сейчас и нейтрализовать влияние «Юве» в долгосрочной перспективе.

Дело разовьется в битву характеров и в конечном счете превратится в соперничество за политическое верховенство. Лига пользовалась доминирующим влиянием, по крайней мере,

с точки зрения цифр, но Эдоардо отлично понимал, что цифры – всего лишь цифры. Если жизнь в клане Аньелли и научила его чему-то, так это тому, что всех людей можно купить. Типы вроде Бодзино и Баруффини – продажны по натуре, а значит, со временем и при наличии терпения, а главное, денег, их можно будет образумить, это как пить дать.

16 ноября 1923 года Розетта присутствовал на заседании FIGC¹³, верховного органа итальянского футбола. Он предоставил доказательства наличия работы и арендованного жилья в Турине, а чиновники подтвердили, что санкционируют его переход при условии, что его одобрит и заверит печатью Северная лига. Проблема была в том, что президентом лиги был «Миланезе» Баруффини, а он и его лакеи поставили себе задачу воспрепятствовать трансферу всеми возможными способами.

Их мотивы были ясны. В 1923-м они имели такой же высокий статус, какой имеют сейчас, и во многих отношениях они и *есть* история итальянского футбола. «Ювентус» спонсирует семья Аньелли, богатые промышленники из надменного, почти французского Турина. Они возвели помпезный новый стадион и высказывали новомодные идеи, и если их оставить без присмотра, они, пользуясь своими деньгами, вскоре захватят власть. Клубы Четырехугольника были гораздо ближе к Милану, чем к Турину, как в географическом отношении, так и в лингвистическом и культурном. Новара расположена в 15 километрах от Тичино, реки, разделяющей Пьемонт и Ломбардию, и в 40 километрах от самого Милана. Самодовольные фарисеи Турина же были в 100 километрах на западе, гораздо дальше во всех смыслах. Более того, лиге было что терять, как в коллективном плане, так и индивидуально ее членам, поэтому решение твердо стоять на своем и поумерить пыл Аньелли выглядело вполне логичным. Следовательно, они объявили о том, что «Про Верчелли» не сумел поставить все клубы в известность о том, что Розетта доступен для трансфера. Таким образом, его регистрация в качестве игрока «Про Верчелли» все же не может быть аннулирована, а сам он не может присоединиться к «Ювентусу».

Аньелли отказался вмешиваться в публичную перепалку, а вместо этого написал письмо в FIGC. После долгой суматохи они признали недействительным решение Северной лиги и издали декрет о том, что трансфер может быть проведен. 25 ноября Вири Розетта дебютировал за свой новый клуб в домашней игре против «Модены». «Юве» выиграл матч 1:0, но «Модена» подала апелляцию в лигу (по сути, самой себе), и та присудила ей победу со счетом 2:0. «Юве» теперь был в состоянии войны с другими клубами и прессой. Это обратило против него общественное мнение, и этот поворот событий стал (и остается таковым до сих пор) ключевым элементом в эволюции клуба.

На следующей неделе в город пожаловала грозная «Дженоа». Когда счет был равным, 1:1, мяч прилетел к... Розетте. Он вколотил победный гол, но результат матча снова был признан недействительным. Вновь была подана контрапелляция в FIGC, и развернулась битва за моральное и политическое превосходство, в которой обе стороны по-прежнему вели себя непримиримо. То же самое повторилось на следующей неделе в Падуе, и теперь в деле появились конфликтующие варианты таблицы лиги. Классификация FIGC, одобренная Международным олимпийским комитетом, ясно давала понять, что на вершине таблицы находится «Юве». Лига, однако, оштрафовала клуб на шесть очков, поэтому 30 декабря FIGC объявила, что совет директоров лиги – главным образом владельцы «Милана», «Модены», «Дженоа» и «Интернационале» – отныне вне закона. В ответ лига созвала собственное заседание, и по результатам голосования (156 голосов за, и лишь 1, голос «Ювентуса», против) предложила верховному органу итальянского футбола пойти куда подальше.

¹³ Federazione Italiana Giuoco Calcio – Итальянская федерация футбола.

В конечном итоге у «Юве» отобрали игрока, очки и победу в чемпионате, в котором он начал доминировать. Розетту, по крайней мере технически, вернули в состав «Про Верчелли», но, будучи резидентом Турина, он все равно не мог играть за них, даже если бы хотел.

Старая гвардия победила в битве, но Аньелли не были бы Аньелли, если бы позволили ей выиграть войну. С самого начала Кравери и Монатери предупреждали Эдоардо, что он столкнется с сопротивлением. Поначалу он этого не понял, потому что привык к комфортной и легкой жизни. Футбол же познакомил его с людьми, желавшими ему зла, и их методами. Он был наивен, но теперь понял, что спорт и политика неразрывно связаны. Он и «Ювентус» смогут преуспевать на поле, только если будут вести себя умно за его пределами. Им придется активно применять дипломатию, мыслить стратегически и ввязываться в опасные политические игры – и с этого момента именно этим они будут заниматься. Следовательно, возникает вопрос, как лучше всего отомстить?

Итальянские клубные команды никогда не совались за границу. Транспортировка была хлопотным, затратным в плане времени и неудобным делом, а игроки не могли себе позволить отпуска на работе. В апреле, однако, «Юве» принял приглашение (откуда бы вы думали?) из Германии. Там им предстояло провести шесть матчей за двенадцать дней, и клуб был готов проконтролировать, чтобы наниматели игроков получили адекватную компенсацию за участие своих работников. Из-за турне им пришлось выставять второй состав на заключительную игру лиги против «Интера», но, поступив таким образом, они лишь напомнили спортивному сообществу о вероломстве Северной лиги.

Немецкая авантюра была одновременно абсурдной и скандальной, а потому вызвала существенный интерес к себе дома. Она имела огромное значение, и из логики вытекало, что если «Юве» выступит успешно, он укрепит не только свой собственный престиж, но и престиж всей Италии. Первую игру в Берлине они свели вничью, а вторую, в Гамбурге, проиграли. Но затем они сначала разбили «Ганновер» 6:0, а потом победили «Бремен», «Лейпциг» и «Дрезден». Возвращение получилось фантастическим, и на родине их успехи восприняли очень позитивно. Они заставили людей гордиться тем, что они итальянцы, и по возвращении игроков чувствовали, как героев-завоевателей. Никогда прежде ничего подобного никем не предпринималось, и символизм одержанной победы над немцами, старыми врагами, не остался незамеченным. Они были успешны на футбольном поле, но что было более важно в тех обстоятельствах, их победы составили политический триумф для страны и правившей в Италии фашистской партии.

Парижская Олимпиада 1924 года была уже не за горами, и у Италии были большие надежды на футбольную сборную. Розетта был одной из главных звезд национальной команды, но Бодзино, его давнишний председатель из «Про Верчелли», стоял у руля. Он был автором всей этой постыдной саги, а его попытки изобразить Розетту в роли наемника были явными ударами ниже пояса в войне против «Ювентуса». Розетта любил свою страну, но когда команда Италии отбыла в Париж 20 мая, он остался дома. Потом, следуя совету руководства «Юве», он написал в FIGC. Он умно поступил, заявив в письме, что не может поехать во Францию потому, что его босс в Турине не готов отпустить его с работы. Это подтверждало легитимность позиции «Юве» и вновь раскрыло все лицемерие решения «перерегистрировать» его в «Верчелли». Письмо четко и ясно перекладывало вину на Бодзино и Баруффини, а если брать шире, то на «Про Верчелли» и «Милан».

Теперь мечты Италии об олимпийском золоте были под угрозой, поэтому делу было придано общенациональное значение. В попытке разрешить безвыходную ситуацию, CONI, Итальянский олимпийский комитет, умолял Аньелли вмешаться, чтобы защитить их интересы. Невзирая на тот факт, что Розетта не был его игроком, он, по-видимому, сумел убедить Аймоне Марсана, его босса, отпустить игрока, чтобы тот мог исполнить свой патриотический долг перед страной. О согласии Аймоне Марсана позаботились, и Розетта сел на поезд в Париж

накануне матча – открытия турнира против Испании. Так по распоряжению «Юве» (как это было ясно «Про Верчелли») было обеспечено участие игрока в победе *Azzurri* со счетом 1:0 и дальнейшее его появление в игре против Люксембурга, принесшей сборной выход в четвертьфинал.

Это был мастерский ход, и домой Розетта вернулся героем. Ему было двадцать два, у него впереди была долгая карьера, и превратности судьбы, постигшие его в предшествующие месяцы, убедили его, что его дом – это Турин. Было немыслимо представить его возвращение в «Верчелли», но – вот ведь абсурд – он продолжал числиться игроком «Про». В таких обстоятельствах клубу предстояло решить: либо они теряют его без какой-либо компенсации вообще, либо устраивают некую сделку с «Юве».

В конечном счете одураченный старый Бодзино принял чек на 50 тысяч лир. Аньелли не уточнял, за что именно выплачены эти деньги, но ему и не нужно было. «Ювентус» разрушил псевдолюбительский статус футбола и трансформировал его в рынок.

На тренировочном поле с четырехлетним Джанни Аньелли

Италия была новоиспеченной единой страной, но в то же время была разрознена. У нее был общий язык, но почти никто на нем не говорил. Вместо него люди использовали (и делают это до сих пор) какой-нибудь из myriad местных диалектов. Климат в разных частях страны, как и обычаи местных, различались колоссально, и как следствие, различались привычные блюда, культуры и отношение к жизни. У севера была инфраструктура, промышленность и, хотя с этим можно спорить, зачатки некой единой культуры. Города вроде Милана и Турина были относительно богатыми и довольно развитыми. Они были «европейскими», тогда как бандитский юг, в пределах старого Неаполитанского королевства, находился очень далеко от Берлина, Парижа и Женевы как в прямом смысле, так и в переносном. *Mezzogiorno*, то есть вся территория страны южнее Рима, была аграрным, бедным и безграмотным регионом. Он десятилетиями экспортировал народ в Америку и страны Северной Европы так же, как это делали прибрежные провинции Романья, Марке и Абруццо. Они были обнищальными, как в экономическом, так и в социальном отношении, и чрезвычайно ограничены властью Рима.

Объединение – это, конечно, хорошо и полезно, вот только национальное единство никогда еще не обеспечивалось одним указом правительства. Оно предполагает наличие у людей общих ценностей и жизненного опыта, а до войны у обитателей Пьемонта и, скажем, Апулии таковых не имелось. Любые представления, имевшиеся у них о единой нации, были сугубо теоретическими, и объединяли их лишь антипатия и недоверие по отношению к столице.

Война для Италии имела поистине апокалиптические последствия. Она потеряла 1,2 млн сыновей на полях сражений, еще около миллиона остались калеками. Однако Австро-Венгерская империя была побеждена и были приобретены новые территории – Трентино и Триест. Более того, несмотря на разруху и лишения, итальянцы по всей протяженности полуострова переживали конфликт *вместе*. Программа ликвидации безграмотности позволила гражданам читать о событиях на фронте, а если смотреть шире, то также и распространять пропаганду. От Венеции до Везувия, от Милана до Мессины их объединяли тяжелые утраты близких, страдания и в конечном итоге какая-никакая победа. Молодые итальянские мужчины сражались и умирали бок о бок, и через эти тяготы войны открыли для себя, что не так уж и сильно друг от друга отличаются. Они все были из плоти и крови, все сражались ради общего дела, и этим делом была их страна.

Вслед за объявленным перемирием разразился дипломатический спор по поводу статуса этнически неоднородного города на северо-восточной границе Италии. Итальянцы полагали, что Фиуме (ныне Риека в Хорватии) по праву принадлежит им, потому что в 1915 году в Лондоне Британия, Франция и Россия подписали соответствующий пакт. Но вместо этого после войны город объявили свободным. Итальянцев облапошили коварный Туманный Альбион и высокомерные французы, но что еще хуже, их собственное правительство, возглавляемое Витторио Эмануэле Орландо, пошло на такие уступки.

Итальянский герой войны Габриэле Д'Аннунцио восстал против «изуродованной победы» Италии. Он собрал войско из солдат-националистов нерегулярной армии, и в сентябре 1919 года они оккупировали Фиуме, потребовав отдать территорию под контроль Италии. Это повлекло за собой всплеск агрессивного итальянского национализма, в авангарде которого шел Бенито Муссолини, и он, как все популисты, ловко использовал повод для недовольства, чтобы набрать политические очки. Это, в свою очередь, способствовало возвышению фашизма, которое в конечном счете обернулось Маршем на Рим, приведшим Муссолини к власти в 1922 году.

Летом 1924-го важных шишек итальянского футбола посетила блестящая идея. Во время оккупации Фиуме Д'Аннунцио организовал футбольный матч между итальянскими солдатами и группой местных жителей. Чтобы отличать своих, солдаты пришили на свои рубашки малень-

кое изображение итальянского триколора – *scudetto*. Это решение оказалось чрезвычайно популярным, поэтому FIGC распорядился, чтобы отныне и впредь все итальянские футбольные чемпионы следовали примеру, поданному солдатами.

Благодаря принятым после истории с Розеттой послаблениям в правилах касательно резидентства «Юве» удалось подписать еще нескольких игроков в преддверии нового сезона. Самым значимым из них был иностранец, первый в послевоенной истории клуба. Соотечественник Каролы венгр Йозеф Виола был толковым, но ни разу не выдающимся полузащитником, однако со временем ему суждено будет стать легендой. Команда лидировала в чемпионате перед началом апреля 1925-го, но поражения от «Про Верчелли» и «Падовы» поставили крест на их чемпионских амбициях. В итоге они финишировали третьими, в то время как «Болонья», «любимчик» режима, квалифицировалась в плей-офф из группы В Северной лиги. В другой группе, группе А, победителем стала «Дженоа», и две команды сошлись в двухраундовой битве за место в национальном финале. Игры завершились с общим счетом 3:3, после чего противостояние перенеслось на нейтральное поле, в Милан, где 7 июня командам предстояло выявить победителя.

К тому времени клубы уже успели оценить ценность присутствия болельщиков на выездных матчах вдали от дома, так что «Болонья» взялась субсидировать билеты на поезда и трибуны стадиона. Тысячи болельщиков стеклись на «Виале Ломбардия», домашний стадион «Милана», где в атмосфере тотального хаоса – то болельщики выбегут на поле, то футболисты затеют драку, то полиция устроит разгон с помощью дубинок – «Дженоа» удалось повести 2:0 уже к перерыву.

Рефери Джанни Мауро попытался прервать матч на этом этапе, но его убедили пережить травмирующий опыт еще раз. Спустя час после начала матча он отменил гол «Болоньи», и вот тогда, говоря простым языком, все и рвануло. Вдруг Мауро обнаружил, что его взяли в кольцо осатаневшие болельщики «Болоньи». Согласно неподтвержденной легенде, в их числе был и некий Леандро Арпинати, известный фашист и будущий мэр города. Свидетельства произошедшего далее разнятся, но, как бы то ни было, Мауро, по сути, был взят в заложники прямо на поле. Ему было сказано, что он никуда не пойдет, пока не засчитает гол. Он согласился, и игроки продолжили матч, но очевидно, что Мауро сказал капитану «Дженоа», чтобы тот не беспокоился. Гол все равно будет отменен впоследствии, а победу все равно присудят им. Таким образом, лучшим выходом будет доиграть оставшиеся 30 минут и как можно шустрее проследовать к выходу. Исходя из этого, игроки «Дженоа» сошлись во мнении, что действительно в наилучших интересах всех будет закончить игру и свалить с поля к чертовой матери. Проблема была в том, что «Болонья» сравняла счет, и теперь «дженовези» отказывались давать добро на экстра-тайм. Они совсем не доверяли арбитру и сочли, что, если «Болонья» победит, он нарушит данное им обещание. При таком раскладе они окажутся проигравшими, поэтому никакого экстра-тайма не будет, а будет еще одна ничья.

Похоже, что они были правы. Мауро позабыл о «сделке», которую заключил по поводу засчитанного/незасчитанного гола, и лига отклонила апелляцию «Дженоа». Справедливости ради, они отклонили и апелляцию «Болоньи», требовавшей, чтобы «Дженоа» дисквалифицировали за отказ играть экстра-тайм. Продолжать так не было никакой возможности, поэтому они, наученные горьким опытом, согласились попытаться сыграть снова на другом нейтральном поле.

Это поле находилось в Турине. Сам матч завершился вничью 1:1, но потом директора соперничавших клубов сошлись в рукопашной на вокзале. Произошла эскалация насилия, и в начавшейся суматохе застрелили двух болельщиков «Дженоа». «Болонью» пригласили поучаствовать – доставить виновников в полицейский участок, – проинформировав клуб о том, что провал этой операции приведет к тому, что победу в матче присудят «Дженоа». Надлежащим образом виновники – или некие лица, сильно на них смахивавшие, – были представлены

властям, и стороны договорились о том, что вновь попытаются выявить победителя на «Кампо Ювентус» 19 июля.

Но теперь проблема была в том, что власти отказывались проводить игру в присутствии публики из соображений сохранения общественного порядка, и в результате обе команды вынуждены были играть матч за закрытыми дверями на каком-то «огороде» южнее Милана аж в 7:30 утра. «Болонья» доигрывала матч вдвоем, но сумела положить конец всеобщим страданиям, победив со счетом 2:0. Потом они обыграли «Рому Альбу», чемпионов юга, с общим счетом 6:1, и завоевали свое первое *scudetto*. Вся эта история была преисполнена пророчеств: итальянский футбол был дезорганизованным, живущим по собственным законам и коррумпированным, но также и исключительно захватывающим.

По ходу сезона «Юве» очень хорошо играл в обороне, где особенно выделялся выдающейся игрой Розетта. У команды был лучший вратарь Италии в лице Джанпьеро Комби, но команде сильно не хватало креативности. Так что, когда Аньелли и сотоварищи взялись за планирование предстоящего сезона, им было нетрудно выявить самую главную потребность команды. Тремя годами ранее, в канун Рождества, «Ювентус» провел товарищеский матч против одной странствующей команды из Венгрии. «Тёреквеш» тогда обыграл их со счетом 4:3, и один из игроков в его составе произвел особенно сильное впечатление. Его звали Ференц Хирзер, и, хотя он был еще подростком, на поле его было не удержать. Он забил два гола сам и сообразил третий, да и вообще выглядел почти что самым быстрым двуногим существом из известных. В общем, Каролы наладил с ним контакт, и Хирзер стал пятым из десяти новых «ювентини», перешедших в команду.

Его вполне предсказуемо окрестили «Газелью», а на одной из предсезонных тренировок команды устроили ему встречу с особенным гостем. Им оказался Джанни, 4-летний сын Эдвардо Аньелли, который просто обожал футбол, – они тепло пообщались и попинали вместе мяч, что, судя по всему, здорово помогло Хирзеру ментально. Он оформил хет-трик в матче-открытии против «Пармы» и с того момента не сбавлял оборотов. Он все продолжал забивать, «Ювентус» все продолжал выигрывать, и никто был не в силах ничего с этим сделать. Они обыграли «Дженоа» и дома, и в гостях, а в период с января по апрель выдали беспрецедентную серию из девяти побед подряд. В домашнем матче против бедной «Мантовы» Хирзер забил пять голов за шесть минут первого тайма, а завершил сезон с рекордным (рекорд стоит до сих пор) результатом в 35 забитых голов.

«Юве» катком прошелся по группе В. Они забили 68 голов в 22 матчах, а Комби выдал знаменитую «сухую» серию в 934 минуты. Все это открыло им путь к двухматчевому финалу против «Болоньи», команде из первого города, покоровшегося фашистам и служившего «местом силы» партии. Там активно шло строительство нового стадиона, который, как утверждалось, должен был стать величайшей в своем роде ареной Европы. Стройку курировал Леандро Арпинати, и по ее завершении стадион стал первым значимым фашистским спортивным амфитеатром. Внешне он напоминал своим видом Колизей, а внутри него была установлена гигантская сияющая бронзовая статуя Муссолини, сидящего верхом на коне. Также там была возведена 42-метровая башня, символизовавшая пыл и боевой дух фашистского атлета, – причем построена она была ровно на том самом месте, на котором в 1849 году был казнен националист-мученик Уго Басси.

Вслед за этим стадионом появится больше новых арен. Старому национальному стадиону в Риме придали лоска и переименовали его в «Стадион Национальной фашистской партии». В Милане новый стадион «Сан-Сиро» строил Пьеро Пирелли, шинный магнат и владелец «Милана». Стадион торжественно открылся 19 сентября 1926 года, а месяц спустя в свой новый дом переехал и «Торино». Владелец клуба граф Энрико Мароне ди Чинзано был дальним родственником Аньелли, но одновременно и своего рода недругом. Он приобрел большой участок земли на Виа Филадельфия, на западной оконечности города, и там из красного кир-

пича возвел роскошный, сказочный шедевр в стиле ар-деко. И хотя «Филадельфия» вмещала всего 15 тысяч зрителей, она была гораздо красивее «Кампо Ювентус» и более изощренной. «Мой стадион лучше, чем твой стадион...»

Гранд-финал 1926 года свел венгра Каролы с Херманном Фельзнером, его австрийским коллегой из «Болоньи». Центрально-европейский футбол был лучшим, находящийся в большом отрыве от остальных, и венгерские, а также австрийские игроки и тренеры активно плодились по всему континенту. «Болонья» разместила в венской газете объявление о вакансии менеджера команды, а потом интервьюировала откликнувшихся кандидатов. По итогам работы получил Фельзнер, по-видимому, располагавший «футбольным дипломом» из Англии.

На поле же Хирзер шел нога в ногу с Анджело Скьявио. На двоих они настреляли 60 мячей в регулярном сезоне, а в финале Хирзер прибавил к своему счету еще два – первая игра в Болонье завершилась вничью 2:2. Во второй игре счет так и не был открыт, поэтому на следующий уик-энд был назначен решающий матч плей-офф, который должен был пройти в Милане.

По причине напряженной политической ситуации и постоянного давления Йено Каролы приходилось переживать на работе серьезный стресс. Утром вторника, предшествовавшего игре, он стал жаловаться на плохое самочувствие. Он поехал домой в Риволи, к западу от Турина, но к обеду уже был мертв – предполагается, что из-за сердечного приступа. Пока город скорбел, временным руководителем команды был назначен Йожеф Виола – давнишний переводчик, друг и доверенное лицо Каролы. В знойный полдень в Милане «Ювентус» достойно почтил память Каролы. На глазах у партийных шишек – в числе которых был и Арпинати – они победили соперников со счетом 2:1 и завоевали свое первое чемпионство с 1905 года.

За два сезона Эдоардо Аньелли сначала сумел бросить вызов старой футбольной клике, а потом и перевернуть вверх дном их планы в отношении итальянского футбола. Однако вскоре это лишь сильнее усложнит ситуацию. На следующий же день будет объявлено о новой структуре, вместе с которой в футбол придет совершенно новый *realpolitik*¹⁴. С одной стороны, он вознаградит Аньелли за его прозорливость, но в то же время познакомит и с новым врагом, бесконечно более тлетворным, чем старая гвардия Северной лиги.

¹⁴ Настоящая политика.

В Виареджо с фашистами

До прихода к власти фашистов самым популярным видом спорта для мужчин с итальянских улиц был велоспорт. Лишь крошечное меньшинство могло себе позволить модернистские чудеса техники, производившиеся в Линготто, и в отсутствие развитой сети общественного транспорта простым итальянцам приходилось передвигаться туда-сюда на велосипедах. Популярность такого вида спорта, как велогонки на большие дистанции, была естественным следствием этого факта, и в результате каждый май вся Италия оказывалась захваченной Джиро д'Италия. Однако теперь доминирование велоспорта оказалось под угрозой.

Муссолини понимал политическую ценность спорта. Он любил фотографироваться во время занятий им и питал особую слабость к теннису и фехтованию. Также он любил фотографироваться верхом на лошади или в плавательном бассейне, где щеголял своей голой грудью. Он тщательно культивировал свой образ непревзойденного *sportivo*¹⁵, но велогонки при этом не любил. Их технологическая составляющая была примитивной, а их протагонисты были в подавляющем большинстве выходцами из рабочего класса. Будучи популистом, Муссолини на словах одобрял велоспорт, но преднамеренно и во всеуслышание называл его чемпионов «пролетариями». Употребляя коммунистический термин, он тем самым высмеивал их, как людей старомодных и непросвещенных, как бы намекая, что их вид спорта служит антитезой фашистскому модернизму. Режим считал, что идеологически автоспорт – гораздо более скоростной, опасный и технически продвинутый – превосходит велоспорт. Он рекламировал его адептов, как образцовых фашистов, потому что они постоянно стремились расширить пределы технологического развития и личного мужества, а в целом их достижения называл служащими национальным интересам. Пилоты виделись главными спортивными мечтателями: безрассудные, авантюрные сорвиголовы, рисковавшие своими жизнями ради продвижения итальянских ценностей и добродетелей в мире.

Футбол в идеологическом отношении был гораздо более трудной материей и не слишком интересовал Муссолини как таковой. При этом стоит иметь в виду, что футбол собирал громадные толпы народу в одном месте, куда они стекались, чтобы его посмотреть, а потому он, как локомотив фашистской пропаганды, попросту не знал себе равных. Он был настолько популярен, что успехи национальной сборной могли вдохновить все социальные слои общества, поэтому режим решил сосредоточиться на его коллективной природе, в которой «один за всех и все за одного». Как и все прочее в Италии Муссолини, он стал политическим конструктом, повинующимся фашистской воле.

Футбол имел большое значение, но его чиновничество имело исключительно любительский статус. Арбитрами добровольно становились некоторые бывшие игроки и директора, и в своем новом статусе они продолжали ассоциироваться со своими старыми клубами. Неизбежным следствием этого стали бесконечные споры и препирательства по поводу объективности рефери, ведшиеся в народе, который даже в лучшие времена был склонен к тиражированию скандалов и теорий заговора. Клубы приглашали определять тех, кто, на их взгляд, не подходил для обслуживания их матчей, – самый что ни на есть готовый рецепт форменной катастрофы. В теории право выбора получали все клубы, но на практике гораздо более богатые и влиятельные всегда получали тех рефери, которых хотели, а клубы, что располагались пониже в пищевой цепи, часто оказывались в заведомо менее выигрышном положении из-за спорных решений судей. Кризис назрел, когда был отменен гол во время матча между «Казале» и «Торино». «Торо» обвинили арбитра Гвидо Сангвинетти в том, что он судил «без подобающего душевного

¹⁵ Спортсмен.

равновесия». Это было кодовой фразой, обозначающей нечистых на руку рефери, и арбитры тут же объявили забастовку.

Далее, на фоне слухов (позже подтвердившихся) о том, что «Ювентус» выдал FIGC «кредит» в размере 150 тысяч лир, десять маленьких провинциальных клубов образовали импровизированную ассоциацию. В ответ на это владельцы десяти более зажиточных клубов тоже организовали свой съезд. В обычных обстоятельствах большинство из них и руки не подало бы другим участникам съезда, но в этот раз им пришлось сдерживать себя изо всех сил, чтобы в итоге объявить, пусть и в несколько обтекаемой форме, о том, что футбол решительно необходимо сделать более «меритократическим». Они больше не желали компенсировать долги Северной лиги из своих бюджетов и четко дали понять, что их тошнит от существующей «региональной» системы. Она принуждала их поддерживать на плаву клубы, к которым они не имели никакого отношения, а также, как это было в случае с их «кузенами» с юга, с которыми они даже никогда не играли. Две группы согласились, что текущая структура больше не соответствует стоящим целям, но общего представления о том, что должно прийти ей на смену, у них не было. Поэтому Итальянский олимпийский комитет – по сути, сам режим – делегировал принятие решения по этому вопросу трем «экспертам» во главе с бывшим спортивным журналистом Ландо Ферретти.

Активно циркулировали слухи о том, что скоро доступ к игре закроют всем иностранцам. Фашистская риторика была нацелена на порождение ксенофобии среди простых итальянцев, из-за чего игроки-иностранцы больше всех подвергались нападкам. Названия и фамилии, которые звучали как славянские или французские, подвергались итальянизации: среди таких игроков был, например, итальянский полузащитник «Юве» Антонио Войяк. Он стал Вольяни, тогда как Йозеф Виола трансформировался в Джузеппе. Аньелли твердо решил удержать его в составе любой ценой – так же как и Хирзера.

В частном порядке представители «Ювентуса» аргументировали, что удаление всех *stranieri*¹⁶ будет своего рода «геополитическим автоголом». Оно поставит на Италии клеймо близорукой и непросвещенной страны – в общем, представит ее полной противоположностью ее идеального модернистского образа, который Муссолини и его прихвостни так рьяно продвигали. В этом они были всецело правы, но в то же время вынуждены были вести себя надлежащим образом – как и всегда, имея дело с партией. Эдоардо Аньелли и его отец понимали, что публичная критика режима будет в лучшем случае контрпродуктивной, а в худшем – обернется катастрофой.

¹⁶ Иностранец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.